

ЕВГЕНИЙ АНИЧКОВ: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Владимир Карлович Кантор

Доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога (НИУ ВШЭ), главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», член Союза российских писателей, член Общественного совета Фонда Достоевского. 105066, Российская Федерация, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, каб. 215. E-mail: vlkantor@mail.ru

Предпринято обоснование необходимости возвращения в русский научный контекст имени Евгения Аничкова — теоретика и историка литературы, ученика и последователя А. Н. Веселовского, культурфилософа. Оказавшись в эмиграции, он продолжил выпускать статьи и книги, в частности анализировал место в истории русской общественной мысли А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. В отличие от большинства современников, Аничков резко противопоставил этих мыслителей, выявив целый ряд антагонистических черт и интенций в жизни и творчестве каждого.

Ключевые слова: Е. В. Аничков, А. Н. Веселовский, сравнительно-историческое литературоведение, народничество, А. Н. Герцен, Н. Г. Чернышевский.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-1-174-186

Герцен и Чернышевский — неостывшая проблема русской мысли.
(Е. В. Аничков. *Две струи русской политической мысли. Записки Русского научного института в Белграде, 1930*)

Один из интереснейших русских мыслителей — Евгений Васильевич Аничков — почти неизвестен в России. Прежде чем перейти к анализу его интерпретации творчества А. Н. Герцена и Н. Г. Чернышевского, обозначу основные вехи его биографии.

Родился он в январе 1866 г. в Боровичах Новгородской губернии, то ли 2 (14), то ли 7 (29) числа. Умер 21 октября 1937 г. в Белграде. Дворянин. Культурфилософ.

соф. Историк литературы. Автор фундаментального труда «Язычество и Древняя Русь». Преподаватель, профессор. Прозаик. Человек, проживший непростую жизнь.

Его детство проходило в местах службы отца — сначала в Тифлисе, затем в Вильно. В 1878 г., двенадцатилетним, он попал в Санкт-Петербург, где начал учиться в Шестой классической гимназии. Затем, в 1886 г., поступил в Петербургский университет на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Со студенческих лет стал последователем великого филолога А. Н. Веселовского. Любопытно, что был хорошо знаком с А. И. Ульяновым, братом В. И. Ульянова (Ленина). Но также и с В. И. Вернадским и С. Ф. Ольденбургом.

Юношеское фрондерство его не миновало. В 1887 г. Аничков был привлечен к суду — в том же году, что А. И. Ульянов, впоследствии казненный. Будущего филолога и философа в декабре арестовали и исключили из университета, поскольку он позволил себе участвовать в «беспорядках» — так на тогдашнем казенном языке именовались студенческие волнения. Два года он отбывал воинскую повинность на Украине. Но в 1889 г. восстановился в университете и учился настолько хорошо, что был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

Вслед за своим учителем Веселовским Аничков исповедовал верность молодой тогда научной парадигме — сравнительно-историческому литературоведению. В основе этой методологии, революционной для своего времени и хрестоматийной ныне, лежит, как известно, сопоставление различных литературно-художественных явлений, родившихся в контексте несхожих, казалось бы, или отчасти родственных национальных культур. Хотя бы то, что все европейские страны прошли через последовательность одних и тех же художественных стилей (методов), свидетельствует в пользу релевантности научной школы. Но, повторяю, сегодня ее никто не оспаривает — да и во время возникновения она поразила современников прелестью новизны, а не парадоксальностью самой парадигмы. В основе методологии исторической поэтики лежит определение роли традиции, в терминологии Веселовского — «предания» в творчестве того или иного автора. Он впервые понял, что категории поэтики складывались исторически, что ни одно явление не может быть рассмотрено вне глубокой диахронической связи с предшествующими. В этом Аничков оказался его неизменным последователем.

С 1895 г. Аничков, специалист по истории западноевропейской литературы, занимал должность приват-доцента Университета св. Владимира в Киеве. С 1901 г. заведовал кафедрой истории западноевропейских литератур. В том же году уехал в Европу, принимал участие в организации Русской высшей школы общественных наук в Париже, стал ее заграничным лектором, а в Оксфорде читал лекции по славянскому фольклору и сравнительной мифологии. С 1902 г. преподавал в

Санкт-Петербургском университете. В 1902–1903 гг. был арестован по невнятному политическому обвинению и 13 месяцев провел в одиночном заключении (освобожден по Высочайшему манифесту). Довольно часто ездил за границу (Лондон, Париж), где изучал провансальский (окситанский) язык и литературу, исследовал отдельные аспекты творчества Шекспира. В 1904 г. успешно защитил диссертацию «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», причем работа удостоена весьма почетной Уваровской премии Академии наук, учрежденной еще в 1856 г. в память о знаменитом С. С. Уварове. Характерной особенностью этой премии было то, что давали ее фактически наследники Уварова, хотя определяла номинантов Академия наук: это серьезный показатель уровня исследования, предпринятого Аничковым, и его оценки современниками.

В 1907 и 1908 гг. Аничков отбывал новое, 13-месячное одиночное заключение за участие в крестьянском союзе.

Ощущение такое, что в заключении ученый не прерывал научной деятельности. По освобождении он напечатал новый значительный и объемистый труд — «Язычество и древнерусская проповедь». В нем автор, в частности, анализировал возникновение былинного эпоса у нас и на Западе не из отвлеченных умозрительных предпосылок, а из бытовых условий жизни народа, принявшего христианство. К солидному тому прилагались критически изданные тексты. Работа удостоилась Ахматовской академической премии¹ и отзыва А. А. Шахматова, основоположника метода исторического изучения, в частности, русского языка.

Народ вообще интересовал Аничкова намного больше, чем религия и философия, хотя его самоотдача в профессии поразительна — другими словами, типична для его времени и круга: гуманитарным наукам придавалось такое значение, что невозможно было манкировать учеными занятиями или работой со студентами. Когда-то в статье для словаря Брокгауза и Ефрона Вяч. И. Иванов отметил, что Аничков был прежде всего народником и лишь потом профессиональным ученым. В известном смысле, не боясь гипербол, можно сказать, что окситанский язык понадобился ему прежде всего как один из путей к пониманию русского народа — в сравнении, в сопоставлении.

В 1914 г. вышел главный труд Аничкова, не утративший значения по сей день. Это «Язычество и Древняя Русь». В книге Аничков не поддавался соблазну строить домыслы или создавать нечто подобное конспирологическим теориям современности. Он опирался только на сравнительно-историческую методологию и на текстологический анализ. Русское Средневековье предстало в этом труде, несмотря на нехватку материала и ограниченность источников, самостоятельным

¹ Ахматовская премия вручалась за лучшие научные труды и произведения изящной словесности, она была установлена в память тайного советника М. Н. Ахматова, завещавшего свой капитал Академии наук. Начиная с 1909 г. премия присуждалась ежегодно.

явлением, характеризовавшимся своеобразием и помогавшим постичь «физиономию», как говорили в XIX в., русского народа.

Не забудем, что Аничков был еще и преподавателем. Студенты слушали его с интересом. Вспоминает знаменитый историк Петербурга, градовед, краевед Николай Павлович Анциферов:

«Из Петербурга приехал профессор Евгений Аничков. Наш кружок в полном составе пошел слушать его лекцию о новой литературе. Аничков читал напыщенно, уснащал свою речь эффектами. Но это не оттолкнуло меня. Мысль, им проводимая, показалась интересной. Он доказывал, что русские писатели боялись Венеры (чистое искусство), они чтили Мадонну (идейное искусство). Чехов первый понял абсолютное значение искусства, его самодовлеющую ценность. Но вот в литературу русскую вошла не только Венера, за ней шел и козлоногий сатир в окружении всевозможных сверхчеловечков. И чистый воздух искусства был отравлен запахом козлоногого.

Из прослушанной лекции я понял, что Аничков приветствует более широкое понимание задач искусства, чем это было свойственно русской интеллигенции, что он хочет синтеза эллина и иудея (терминология Гейне, нам тогда свойственная). Но он испуган тем характером, который приняло у нас воскрешение бога древности. Не Венера Милосская, а Венера *imprudica!*¹» (Анциферов: 1992, 127).

В 1914 г. 48-лний ученый добровольно ушел в ополчение, хотя, конечно, по возрасту не подлежал призыву. Служил военным цензором. В 1917 г. откомандирован с отрядом во Францию, служил в чине лейтенанта во французской армии. В революционную, а затем советскую страну не вернулся. С 1918 г. жил в Югославии, преподавал в университетах в Белграде и в Скопье.

Теперь два слова об уровне образования людей той эпохи. Как показатель — иностранные языки. Аничков знал древнегреческий, латынь, немецкий, французский, провансальский (или окситанский), английский, болгарский, чешский и, наконец, в последние семнадцать лет жизни выучил сербский. Языки помогали ему в работе: провансальский позволил написать о трубадурах «Историю труверов Арраса» (1900). Немало создано им о русской культуре. Он видел национальную мысль и искусство в контексте общеевропейском — это отличало его от едва ли не всех исследователей, писавших о России. Конечно, западную культуру знали многие, но Аничков актуализировал это знание.

В духе своего времени Аничков был масоном и принимал участие в организации лож в России (1906, «Возрождение») и Белграде (1906, «Максим Ковалевский»). С 1920 г. он один из основателей и председатель Русской академической

¹ Бесстыдная (лат.).

группы в Белграде, профессор философского факультета Белградского университета, преподавал историю книжного дела и старофранцузской литературы. С 1926 г. стал профессором философского факультета университета в Скопье. В начале 1930-х гг. принял югославское гражданство. С 1936 г. пребывал в отставке, вернулся жить в Белград. Почетный член, заместитель председателя Союза русских писателей и журналистов. Член юбилейного Пушкинского комитета в Белграде, главный редактор «Белградского Пушкинского сборника». В 1931 г. опубликовал на французском языке книгу об Иоахиме Флорском. Некоторые работы Аничкова остались в рукописи и хранятся в архиве Белграда (Югославия), в частности «Эстетика блаженного Августина».

Его книги «Литературные образы и мнения» (СПб., 1904) и «Предтечи и современники на Западе и у нас» (СПб., 1910) дают поразительный контекст русско-европейского диалога. Существенно еще заметить, что он был редактором полного собрания сочинений Н. А. Добролюбова (СПб., 1911–1913. Т. 1–9).

В эмиграции у Аничкова продолжали выходить книги и статьи. Свое кредо он изложил в сборнике «Православие и культура» (1923), в статье «На грани», в которой писал, что после крушения старой русской культуры православная Церковь остается единственной основой возрождения России. Затем последовала книга «Христианство и Древняя Русь» (Прага, 1924), где Аничков исследовал влияние христианства на русскую культуру и развитие литературы. Нельзя забыть его книгу «Западные литературы и славянство: Очерки» (В 2 т. Прага: Пламя, 1926). Перечисление его работ заняло бы немало места. Но вот те, которые относятся к текущей теме: «Эстетика правды-справедливости» (1904), «Две струи русской политической мысли» (Записки Русского научного института в Белграде, 1930), «К религиозным воззрениям наших шестидесятников» (Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 3. С. 133–190). В последних говорится о Герцене и Чернышевском.

После знакомства читателей с важными моментами жизни и творчества Евгения Аничкова можно перейти непосредственно к предмету анализа.

В России общественное сознание выделяет и ставит рядом двух мыслителей, считающихся радикалами, — А. Н. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Последние годы я немало писал об этом якобы тандеме, резко разводя их как двух антагонистов. Одна из статей так и называлась «Голгофник versus Варавва» (Кантор, 2013). Голгофник, разумеется, Чернышевский. Труженик, сын саратовского протоиерея, глубоко верующий христианин, переживший гражданскую казнь, все надежды возлагавший на науку и на реформы. А Варавва — Герцен, миллионер, сбежавший за границу, продав перед этим своих крепостных за миллионы и поместив огромные капиталы в банк Ротшильда. И из-за границы призывавший общество к отмене крепостного права, студентов к бунту, а крестьян к топорам ради освобождения.

Конфликт их был неизбежен. Он и состоялся. Задача Аничкова в работе, к которой я обращаюсь, была «пересмотреть генеалогию русской общественной мысли» (Аничков, 1930: 531).

Можно вообразить сложность задачи, стоявшей перед исследователем, поскольку практически для всех эмигрантов именно сухой и, как внушалось дворянской клаской, эстетически глухой Чернышевский был инициатором революционного движения, в отличие от блистательного стилиста и виртуоза слова Герцена. Забывалось, что ближайшим другом Герцена был анархист-радикал М. А. Бакунин, заявивший, что страсть к разрушению — творческая страсть. Что Герцен, невзирая на личную антипатию, все-таки споспешествовал деятельности автора страшного «Катехизиса революционера» Сергея Нечаева, которого привечали Бакунин и Н. А. Огарев. Что именно Герцена в образе преступного демона Ставрогина изобразил Достоевский (Кантор, 2014).

Чтобы стать на сторону Чернышевского, нужна была интеллектуальная смелость. И Аничков сделал это, соблюдая объективность и обращая внимание на талант Герцена.

Безнравственность Герцена поразительна. Если говорить об эротической стороне его жизни, то чудовищна история любви его первой жены и немецкого поэта Гервега, точнее, чудовищно, что позор жены он вынес на всеобщее обозрение в «Былом и думах». Еще безобразнее история с женой его друга Огарева, жившего в доме богатого барина Герцена на правах приживала. Герцен не постеснялся вынуть из постели друга его жену и сделать своей любовницей. Если говорить о его общественном лице, то знаменитый «Колокол» с эпиграфом «Зову живых» разбудил радикальную нежить, которой перед смертью испугался сам автор и издатель. С течением лет «Колокол» потерял популярность и подписчиков. Но пока журнал был в силе, Герцен, решив утопить интеллектуального соперника — журнал «Современник», обрушился на некогда любимого друга Чернышевского, на гениального и тяжело больного юношу Добролюбова, делавшего журнал на равных со старшим другом. И в статье «Very dangerous» он обвинил Добролюбова в приспособленчестве к властям предрек ему «Станислава на шею».

Это, полагал Аничков, не просто столкновение отцов и детей, но конфликт барина с разночинцем. Добролюбов вскоре умер, но Чернышевский ответил наотмашь, ударив по любимым идеям Герцена в трактате «О причинах падения Рима» (1861). Напомню, что Аничков — редактор девятитомного собрания сочинений Добролюбова, а потому в этой полемике он на стороне Чернышевского. Ведь, по его словам, «Добролюбов и Чернышевский — одно» (Аничков, 1930: 523). Собственно, с этого момента, с ответа Чернышевского, и начинается Аничков свою статью.

«Резкая политическая заметка Чернышевского против Герцена появилась в первой книжке “Современника” за 1862 год, а через четыре месяца журнал был приостановлен, и *тогда-то при обстоятельствах, которые навсегда останутся неизвестными, Герцену пришла странная мысль* (выделено мной. — В. К.) вызвать из России Чернышевского для совместной работы. Он пишет об этом Серно-Соловьевичу, и отсюда арест Чернышевского — удар, от которого он уже не оправится» (Там же: 524).

Насколько сознательной была эта провокация, гадать не будем. Но она состоялась.

Вернемся, однако, к тому, что так раздражало дворянскую элиту, а именно к диссертации Чернышевского, которую и И. С. Тургенев, и Л. Н. Толстой, и А. В. Дружинин называли «мертвечиной».

Прежде чем показать, насколько точен предпринятый Аничковым анализ эстетической теории Чернышевского, продемонстрируем на практике уровень его профессионального чутья и компетентности в области анализа литературного произведения. Здесь надо отметить несколько моментов.

Во-первых, Аничков, боявшийся засилья козлоногих сатиров и бесстыдной Венеры в отечественной литературе, Аничков, читавший лекции в нарочито напыщенном тоне, по-видимому, в качестве напоминания о «высокой истине» родной словесности, при всем том был одним из лучших истолкователей поэзии и прозы Серебряного века, скажем, первым оценивший «Петербург» Андрея Белого. Автор-модернист писал: «Врезался в память короткий и толстый, такой краснощекий, такой пухлогубый, с усищами, с густой бородкой, Евгений Васильич Аничков; казалось, что сам петергофский Самсон бил — не он говорил; потрясая рукой, приподнявшись на цыпочки, храбро бросая в атаку живот, едва стянутый белым жилетом, казался скорее гусарским полковником он, чем профессором-меньшевиком; он позднее агитировал за “Петербург” — мой роман; и — спасибо ему» (Белый, 1990: 77).

Во-вторых, Аничков хорошо, даже блестяще знал современное западноевропейское искусство.

В-третьих, всю силу недюжинного темперамента он отдавал преподаванию. Приведу слова одного его слушателя, чтобы можно было оценить живость профессора, дважды отбывшего одиночное заключение, но сохранившего силу духа. Владимир Пяст вспоминал:

«Е. В. Аничков, кругленький, толстенький в свои сорок лет — выглядел именно того возраста, которого был, — но при этом было совершенно явно, что по молодому своему энтузиазму не уступал никому из приглашенных им лично в семинарий студентов! Смелый в общественной жизни, он был смел и в жизни академической.

В противовес всем схоластическим семинариям факультета, он первый объявил семинарий по новой литературе. А участники его, студенты, были с самого начала призваны им к интересной, живой, самостоятельной работе. И хотя семинарий был в малопосещаемом романо-германском отделении (впрочем, заседания его имели место в помещении “Кружка Молодых”, т. е. Музея Древностей), — в нем участвовали самые разнообразные студенты. Всем были розданы темы для рефератов, согласно желанию каждого, — в ту пору и это было новшеством. Интереснейшее введение Аничкова пришел послушать весь университет, на его лекциях, — как и на лекциях Е. В. Тарле, с которым он несколько соперничал, стремясь превзойти его в популярности среди студентов, — всегда были полны отводившиеся для них самые большие университетские аудитории. Лекции его были блестящими импровизациями: все на свете, больше же всего современное искусство, привлекалось им; все произносилось чрезвычайно талантливо, но с рядом комических приемов, очень искусно применявшихся знавшим свои сильные стороны лектором. <...> Часто выступая и в публичных лекциях, и вне университетских стен, Е. В. Аничков знал секрет успеха у слушателей. По своему желанию он добивался аплодисментов любого вида, введя ряд подразделений в классификацию их с акустической стороны. Кроме “раскати-стых”, “бурных”, “ровных” и т. п. общеизвестных видов, — Е.В. Аничков умел добывать аплодисменты “бархатные”, “кошачьи”, “с хвостом”» (Пяст, 1997: 113–114).

Пясту, кстати, педагог дал тему по Эдгару По, входившему тогда в ряд основателей нового искусства.

Серебряный век, как справедливо полагал Аничков, пришел в Россию из Западной Европы, но его истоки он показывал шире, чем сами первые модернисты, — не только от французских символистов и Ницше, но также и от прерафаэлитов, Вильяма Мориса, Рёскина и др. Он в числе первых увидел неожиданное в новой эстетике. И — почувствовал, конечно же, на основе досконального знакомства с материалом, что основы нового искусства сформулированы и заложены... в диссертации Чернышевского.

В России в те годы это было совсем непонятно, а Запад не мог диссертацию прочитать.

Итак, какие же идеи, способствующие возникновению нового искусства, находит у Чернышевского Аничков?

Процитирую его работу 1903 г.:

«Насчет красоты у Чернышевского были свои собственные и в высшей степени интересные взгляды; в значительной степени они оказались и пророческими: только дальнейшее их развитие надо искать не у русских его последователей, а в эстетической науке Запада. Взгляды Чернышевского, выраженные в его знаменитой диссер-

тации, сводились, как известно, к двум основным положениям: во-первых, действительность в эстетическом отношении несравненно выше искусства, а во-вторых, в сферу искусства должно входить не только красивое и его так называемые моменты, т. е. трагическое и комическое, но все вообще, что может быть интересно. <...> Несомненно влияло на этот взгляд его и то развитие реализма в искусстве, которое Чернышевский приветствовал с таким увлечением в «Очерках Гоголевского периода».

Как раз такое реалистическое искусство, не разделявшее эстетическую сферу на прекрасное и безобразное, на Западе и привело к установлению того же самого принципа в теории искусства, какой в России был одиноко возведен Чернышевским. Как для живописцев, так и для романистов, преимущественно во Франции, природа стала не только образцом, но неуловимой и дорогой химерой, предметом всех стремлений, наблюдений, всей внутренней творческой жажды. Плэн-эризм, курбетизм, импрессионизм в живописи и натурализм в романе, все это основано на различных попытках уловить самую природу, увидеть ее такую, как она есть, и заставить ее почувствовать зрителя или читателя, так сказать, целиком без малейшего изменения. И рядом с французскими художниками и романистами, несколько опередив их, в Англии Рёскин не только проповедует неиссякаемую, безграничную и вечно обновляющуюся красоту природы, это до него уже делали поэты лэкисты¹, а за ними Шелли и Китс, Рёскин еще изучает природу, как естествоиспытатель, проповедует возможность проникнуться ее тайнами, и центр художественного интереса для него переходил именно в пейзаж, в творческое, но вполне искреннее и верное воспроизведение природы. <...> Природа стала вожделенным идеалом; природа — свята и непогрешима. Теоретик реализма Гюйо² в 80-х годах поэтому и скажет, что красота природы недостижима художнику, т. е., иначе говоря, что красота в природе выше красоты искусства, повторяя этим слова Чернышевского» (Аничков, 2016: 114).

А слова Чернышевского, которые столь глубоко и доказательно комментировал Аничков, были такие: «Самое общее из того, что мило человеку, и самое милое ему на свете — *жизнь* (курсив мой. — В. К.); ближайшим образом такая жизнь, какую хотелось бы ему вести, какую любит он; потом и всякая жизнь, потому что все-таки лучше жить, чем не жить: все живое уже по самой природе своей ужасается гибели, небытия и любит жизнь» (Чернышевский, 1949: 10).

Однако только всерьез верующий мыслитель, а как раз таким и был Аничков, сумел увидеть теоретический исток этой идеи Чернышевского. Надо сказать, что в доме саратовского протоиерея, отца русского философа, хранилось собрание сочинений блаженного Августина. Оно было личной собственностью Гаврилы

¹ Поэты Озерной школы.

² Жан Мари Гюйо (1854–1888) — французский философ-спиритуалист и поэт. Основная мысль, которую разрабатывал Гюйо, заключалась в идее жизни как общего плодотворного начала, на котором зиждется все.

Ивановича, а стало быть, оказалось доступным юному семинаристу, блистательно владевшему латынью. Знаменитая статья «О причинах падения Рима», так обозлившая Герцена, была навеяна не только Монтеस्कье, но и текстами Августина (прежде всего «Словом о разорении города Рима») (Кантор, 2019: 14–24). К Августину, видимо, восходит и его идея, что действительность выше искусства. Цитирую Аничкова:

«Августин будет уже во множестве мест своих многочисленных писаний неизменно и упорно повторять основное положение своей эстетики, ее исходный пункт, что “каждое из произведений природы, которое возникает по воле Божественного промысла, гораздо лучше, чем произведения людей и каких угодно художников, а потому и более достойно божественного почтения, чем то, что чтилось в храмах” (De vera relig. 2). Значит, красота не какое-то исключение, не что-то лишь время от времени достигаемое природой, не результат искусства художников, украшавших храмы и воспроизводивших типы богов из мрамора, дерева, красками, резцом и т. д. Нет. Эстетика Августина устанавливает положение, что вообще прекрасна природа. И пройдет много веков, пока вновь, иным порядком рассуждений и иначе прочувствовав красоту природы, скажут то же самое артисты⁵ и мыслители» (Аничков, 202: 235–236).

Но это явная позиция диссертации Чернышевского, которую Владимир Соловьев, поклонник Августина, назвал «первым шагом к положительной эстетике».

Переходя к революционной теме, Аничков резко разводил радикальное движение и Чернышевского, считая источником русской революционности писания Герцена.

«На самом деле все главные лозунги русского революционного движения до самой “Народной Воли” провозглашены Герценом. Настоящим вдохновителем революционеров еще во времена “нечаевщины” станет его друг, Бакунин. Но Герцен не только позвал основывать тайные типографии, от него же исходят и “Земля и Воля” и “Хождение в народ”. Даже странно, Герцена — писателя волею Божией, писателя, который войдет в число русских классиков, читают мало, хотя знает об изумительном блеске его дарования каждый образованный человек, а в то же время Герцен, “бросившийся в борьбу”, лишь по виду позабыт, хоть и считается он пережившим самого себя; провозглашенные им лозунги живы, и ими трепещут и мнутся, во имя их идут на Голгофу революционного дела новые поколения» (Аничков. 1930: 546).

Ленинская статья «Памяти Герцена», в сущности, говорила об этом же: революционная пропаганда в России началась с Герцена.

Прошли годы. Умерли Чернышевский и Герцен.

Прошла череда еще более длинных лет, прошли десятилетия, и в Белграде усилиями профессора Корнелии Ичин работы Аничкова не просто переиздаются (это делается и в России), но в буквальном смысле выходят из небытия. Аничков был ведь не только ученым, но и настоящим литератором, причем его научное дело помогало и в творчестве. Скажем, мало кому известна деталь, о которой пишет Корнелия Ичин: как знаток провансальской поэзии трубадуров Аничков помогал А. А. Блоку в написании пьесы «Роза и крест». Сам он создал роман «Язычница» (1931), изданный в Париже. Написал также цикл пьес и цикл рассказов, расшифрованных по рукописям и изданных профессором Ичин.

Неужели понадобилось более полувека, чтобы в историю русской литературы вернулись справедливые, непредвзятые оценки?.. И да: вернуться-то они вернулись, но кто о них нынче знает?..

Литература

- Аничков Е. В. (1930) Две струи русской политической мысли // Записки русского научного института в Белграде. Вып. 1. С. 205–243.
- Аничков Е. В. (2017) Пьесы. Рассказы. Статьи / Подготовка текста и общая редакция К. Ичин. Белград: Изд. филологического факультета.
- Аничков Е. В. (2016) Реализм и новые веяния. Эстетика правды-справедливости. М.: ЛЕНАНД.
- Аничков Е. В. (2002) Эстетика и христианство // Августин: Pro et contra. СПб.: РХГИ. С. 232–241.
- Анциферов Н. П. (1992) Из дум о былом. Воспоминания. М.: Феникс.
- Белый А. (1990) Между двух революций. М.: Художественная литература.
- Кантор В. К. (2014) Герцен как прототип Ставрогина // Человек. № 3. С. 148–159.
- Кантор В. К. (2013) Голгофник versus Варавва. К полемике Чернышевского и Герцена о России // Вопросы литературы. Ноябрь-декабрь. С. 294–331.
- Кантор В. К. (2019) Августин и Чернышевский: падение Рима как культурфилософская проблема Европы // Кантор В. К. Демифологизация русской культуры. Философские эссе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 14–24.
- Пяст В. А. (1997) Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Д. Тищенко. М.: Новое литературное обозрение.
- Чернышевский Н. Г. (1949) Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 16-ти тт. Т. 2. М.: ГИХЛ. С. 5–92.

EVGENY ANICHKOV: PROLEGOMENA TO THE INTERPRETATION

Vladimir Kantor

DSc in Philosophy, Professor, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. Laboratory Head: International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue. National Research University Higher School of Economics, Russian Federation. Journal “Philosophical letters. Russian and European dialogue”. Editor-in-Chief. Address: 21/4 Staraya Basmannaya Street, Moscow, Russian Federation 105066. Office A-215
E-mail: vlkantor@mail.ru

It is necessary to return into the Russian academic context the name of Evgeny Anichkov — theorist and historian of literature, apprentice and disciple of A. N. Veselovsky, philosopher of culture. In emigration Anichkov continued to publish articles and books, he particularly analyzed the place of A. I. Herzen and N. G. Chernyshevsky in the history of Russian social thought. Unlike most contemporaries, Anichkov sharply contrasted these thinkers, revealing a number of antagonistic traits and intentions in life and work of each of them.

Keywords: E. V. Anichkov, A. N. Veselovsky, comparative historical literature, narodnik movement, A. I. Herzen, N. G. Chernyshevsky

References

- Anichkov E. V. (1930) Dve strui russoj politicheskoy mysli [Two Streams to Russian Political Thought], *Zapiski russkogo nauchnogo instituta v Belgrade [Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade]*, iss. 1, pp. 205–243 (In Russian).
- Anichkov E. V. (2017) P'esy. Rasskazy. Stat'i [Plays. Stories. Articles] (edit. by K. Ichin). Belgrade: Izd. filologicheskogo fakul'teta, 264 p. (In Russian)
- Anichkov E. V. (2016) Realizm i novye vejanija. Jestetika pravdy-spravedlivosti [Realism and New Developments. The Aesthetics of Jus-Justice] Moscow: LENAND, p. 114 (In Russian)
- Anichkov E. V. (2002) Jestetika i hristianstvo [Aesthetics and Christianity], *Avgustin: Pro et contra [Augustine: Pro et contra]*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta, pp. 232–241 (In Russian).
- Anciferov N. P. (1992) Iz dum o bylom. Vospominanija [From the doomsday. Memories], Moscow: Feniks (In Russian).
- Bely A. (1990) Mezhdru dvuh revoljucij [Between two revolutions], Moscow: Hudozhestvennaja literatura (In Russian).

- Chernyshevsky N. G. (1949) *Jesteticheskie otnoshenija iskusstva k dejstvitel'nosti* [Aesthetic relationship of art to reality], *Polnoe sobranie sochinenij v 16-ti tomah* [Complete Works], Vol. 2, Moscow: State Publishing House of Fiction, pp. 5–92 (In Russian).
- Kantor V. K. (2013) *Golgofnik versus Varavva. K polemike Chernyshevskogo i Gercena o Rossii* [Calvary versus Barabbas. To the polemic of Chernyshevsky and Herzen about Russia], *Voprosy literatury* [Literature Issues], November-December, pp. 294–331 (In Russian).
- Kantor V. K. (2014) *Gercen kak prototip Stavrogina* [Herzen as a prototype of Stavrogin], *Chelovek* [A man], no 3, pp. 148–159 (In Russian).
- Kantor V. K. (2019) *Avgustin i Chernyshevskij: padenie Rima kak kul'turfilosofskaja problema Evropy* [Augustine and Chernyshevsky: the fall of Rome as a cultural-philosophical problem of Europe], *Demifologizacija russoj kul'tury. Filosoficheskie jesse* [Demythologization of Russian culture. Philosophical Essays], Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, pp. 14–24 (In Russian).
- Pjast V. A. (1997) *Vstrechi* [Meetings] (edit. by R. Timenchik), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russian).